

Яков Самуилович Капелюш
(1937–1990)

От ведущего рубрики

Изучение биографии Якова Самуиловича Капелюша – это небольшой шагик на длительном пути воссоздания и описания истории исследований общественного мнения в России. Первая часть второй книги Б.А. Грушина «Четыре жизни России» открывается посвящением его четырем сотоварищам, называемым им первопроходцами в изучении общественного мнения в СССР. Это были: Я.С. Капелюш, Виктор Яковлевич Нейгольдберг (1924–1990), Вадим Васильевич Сазонов (1938–1996) и Георгий Давидович Токаровский (1939–1993). Подобное может быть сказано лишь о немногих.

С Яковом Капелюшем я познакомился в Ленинграде в первой половине 1980-х на одной из социологических конференций; на рубеже 1980–1990-х мы несколько лет работали вместе во ВЦИОМе. Наше личное знакомство продолжалось недолго, но, мне кажется, оно было товарищеским, даже дружескими. Он производил впечатление четко, конструктивно мыслящего и много знающего социолога, опытного руководителя и в высшей степени порядочного человека. Знакомство с его работами, обращение к людям, многие годы знавшими Капелюша, позволяет утверждать, что именно таким он и был: профессионалом, мужественным человеком, цельной личностью.

Открывают подборку материалов воспоминания доктора философских наук, профессора Бориса Андреевича Грушина¹, наставника Капелюша и руководителя исследовательских проектов, в которых он работал много лет. О студенческих годах Капелюша рассказывает его друг Аркадий Ильич Пригожин, доктор философских наук, профессор, специалист в области теории организации, инноватики, методологии управленческого консультирования и политического лидерства. Затем следует моя заметка; это краткий рассказ о книге Капелюша, которой нет. Четвертый материал принадлежит Ларисе Николаевне Федотовой, доктору социологических наук, старшему научному сотруднику факультета журналистики МГУ и профессору Российского Университета Дружбы Народов, работавшей с Капелюшем в коллективе Грушина при проведении Таганрогского проекта и позже – в Главном информационно-вычислительном центре Министерства культуры РСФСР.

Борис Докторов

Грушин Б.А.

ВСПОМИНАЯ ЯКОВА

После учебы на философском факультете МГУ в трудовой книжке Якова Капелюша появилось всего несколько строк – и практически на всех местах работы, за одним исключением – в Главном информационно-вычислительном центре Министерства культуры РСФСР, мы работали вместе. Он был моим со-трудником, слово

сейчас от частого употребления затерлось, но если вслушаться в его первозданный смысл, оно значит многое. А мы трудились на ниве, как мы иногда шутили, достаточно «безнадежного» в те времена дела: и в Институте общественного мнения в «Комсомольской правде», и в Институте философии, и в Институте конкретных социальных исследований, и потом во ВЦИОМЕ – мы подступались к изучению общественного мнения в нашей стране.

Тогда это не было просто профессией. Нужно было иметь, как имел Яков, беспредельную преданность делу (иногда на уровне жертвенности); готовность выполнить любую нужную для дела работу; гражданскую принципиальность и высокое мужество.

Сейчас я перелистал свою последнюю на настоящий момент публикацию – книгу с анализом большого числа эмпирических исследований общественного мнения, осуществленных большим коллективом моих соратников и учеников в 1966-1971 г.г. И везде, где я упоминаю Я.С. Капелюша, отмечаю его роль разработчика программ исследований, анкет, руководителя полевых исследований, организатора процесса обработки информации. Он, конечно, был прирожденным эмпириком: в сфере эмпирической социологии он, как никто, знал все до тонкостей и умел абсолютно все. В этом процессе много черновых, скурпулезных, иногда занудных операций. У нас в Проекте на этот счет была забавная шутка: «А

слабо еще и пол в отделе вымыть?».

И в то же время он был одним из основных «перьев» научного коллектива. История с его защитой диссертации «Проблема выборности руководителей производства», написанная Я.С. Капелюшем - это история долгих мытарств и злоключений, в том числе кардинального сокращения в тексте диссертации ссылок на результаты его опроса. Диссертация была написана в 1968 году, а защита состоялась лишь пять лет спустя.

На подаренном мне Яковым экземпляре автореферата есть его надпись «Авось прорвусь!». Он ее защитил, но еще долго текст, как и текст уничтоженной по прямому указанию тогдашнего секретаря МГК КПСС по пропаганде В.Н. Ягодкина его книги «Общественное мнение о выборности на производстве», поминался партийными деятелями Института в качестве «идейно и теоретически ошибочного». Позднее, при попытках издать монографию по результатам Таганрогского проекта в рецензии, вышедшей из стен Института за подписью заведующего отделом прикладных социальных исследований В.Н. Иванова, рукописи вменялось в вину, что она «содержит ссылки на работу, тираж которой был аннулирован». Речь идет как раз о книге Я.С. Капелюша «Общественное мнение о выборности на производстве».

После закрытия ИОМ «Комсомольской правды» Яков лично вынес из более чем строго охраняемого здания редакционно-издательского комбината «Правда» три с лишним тысячи полевых документов, относившихся к опросу «Комсомольцы о

комсомоле», – около двух мешков. Сейчас можно вспоминать об этом как о детективной истории, однако, все это в совокупности могло реально привести к его исключению из партии, а по тем временам это означало бы конец его самозабвенной научной и организационной деятельности по изучению общественного мнения.

Яков не был просто исполнителем. Я вспоминаю наши многочисленные споры, которые не я, человек достаточно авторитарный, зачастую инициировал, а Яков. Как иначе рождаются единомышленники, если не в научных спорах?

Но научный проект, как определенная методолого-методически-организационная структура, показывает свою жизнеспособность и эффективность, если способен функционировать в соответствии с профессиональными требованиями, предъявляемыми утвержденной руководством проекта программой, полевыми документами, принципами выборки. Здесь как раз большая доля ответственности ложилась на Якова Капелюша. И если нам удалось сделать хотя бы часть задуманного, в этом и заслуга Якова.

За сухим перечислением функций научного проекта стоят живые люди. Это были и десятки научных работников, объединенных проектом в Москве, и десятки наших интервьюеров, анкетеров, работающих с нами в полевых условиях в ходе социологических опросов в «Комсомольской правде» и Таганроге. А организуют их работу единицы. И тут профессионализма мало, если это, конечно, не профессионализм организатора. Того, что мы часто называем затертыми словами «работа с людьми», здесь явно недостаточно, хотя это по сути и точно. Наверное, здесь была и изрядная доля того, что мы можем назвать личным примером. Сама личность Капелюша Я.С., его работоспособность, его вклад в работу Проекта не могли не вызывать уважения. Когда Яков пришел во ВЦИОМ – тогда еще первый, Всесоюзный – ему весь этот багаж пригодился: и умение работать с людьми, и организаторские способности, и профессионализм социолога. Эмпирическая социология в стране началась с таких людей.

Пригожин А.И.

ПРИКЛАДНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ЗАНИМАЛИ ЕГО ОЧЕНЬ СИЛЬНО

В не очень долгой пока истории советско-российской социологии было уже несколько этапов, давших сильных и ярких личностей. Я сейчас остановлюсь на первом, может быть даже нулевом, этапе – зарождении советской социологии.

Сейчас не юбилей и вообще никакого формального повода нет для того, чтобы вспомнить типичного участника социологического движения 60-80-х годов – Якова Самуиловича Капелюша. Вряд ли кто-нибудь из советско-российских социологов помнит его так, как я.

Поставим вопрос: в чем было своеобразие этой личности? Что он внёс в российскую социологию? Какой след оставил?

В 1965 году он пришёл на философский факультет Московского университета из армии, где отличился в ракетной атаке на американского пилота-разведчика Пауэрса. Он уже был членом КПСС, убеждённым и весьма деятельным. В Московском

университете тогда ещё не было ни психологического факультета, ни тем более социологического. Слово «социология» тогда употреблялось только в сопровождении эпитета «буржуазная», а если кто-нибудь хотел сочетать это слово с марксизмом, то приходилось применять единственную формулу «марксистская социология – исторический материализм».

Семья у Якова Капелюша была, что называется, из рабочих. Его мама была мастером или бригадиром на стройке. Кажется, её бригада возводила высокие корпуса Нового Арбата на месте «Собачьей площадки». А отец был бухгалтером на каком-то заводе. Поэтому большого семейного образования Яков получить не мог.

На курсе он сразу проявил себя как человек с сильным характером и немалым жизненным опытом, и был быстро и едва ли не навсегда избран парторгом курса. Его бескомпромиссность и прямолинейность делала его имя почти легендарным. Однажды к нему подошла наша сокурсница Валя чуть не плача: один чиновник деканата провёл с ней воспитательную беседу о том, что хорошо бы ей сообщать ему о высказываниях и настроениях в студенческой среде (она жила в общежитии). Валя была шокирована таким заданием и пришла к нашему всеобщему авторитету Якову Капелюшу за советом. Яков тут же отправился в деканат и в большом переполненном людьми кабинете громко и отчетливо спросил у этого чиновника: верно ли, что он требовал от Вали, доносить на своих товарищей? Тот в страшном испуге принялся было увещевать столь принципиального коммуниста: «Что ты, что ты! Пойдем выйдем! Сейчас поговорим». Но Яков настаивал: «Нет, мне нечего скрывать, давайте поговорим при всех. Здесь тоже наши коммунисты и комсомольцы!» Очень может быть, что этот чиновник даже не обиделся на Якова – настолько органичный и целостный был его образ в глазах окружающих, что такой поступок с его стороны воспринимался как нечто совершенно естественное.

Но таким Яков был и в науке. Классическая философия давалась ему с трудом, и большого интереса не вызывала. А вот прикладные социальные теории занимали его очень сильно. Дело в том, что он был стихийным коммунистом, как впрочем и я, и многие из нас, тогдашних студентов философского факультета. Это значит, что мы разделяли идеалы всеобщей и повсеместной демократии, изложенные Лениным в «Государстве и революции», и централизованного планирования. Мы с презрением относились к буржуазным ценностям комфорта и избыточного потребления. Вот, например, наш тогдашний научный руководитель Джермен Михайлович Гвишиани (к тому времени он был всемогущим заместителем председателя Госкомитета по науке и технике), на 5 курсе устроил нас на практику в Институт технической эстетики в подразделение социологических исследований. Нам было дано задание выяснить, какие особенности дизайна аудио- и видеоприборов предпочитают разные группы населения. Мы с Яковым приняли это задание со скрытым возмущением: зачем нужно тратить ум, средства и время на такие конструкторские изыски, зачем в социалистическом обществе развивать сверхпотребление?

Теперь, наверное, понятно, почему главной научной темой Я.С. Капелюша всю жизнь была *выборность руководителей*. Он провёл первое в нашей стране исследование по выборности прорабов на стройке, которое показало ему и нам, что выборность производственных руководителей действительно мотивирует рабочих, мастеров на вовлечение в организационно-управленческую деятельность, но при

этом и создает определенные проблемы. Так, некоторые рабочие, избранные в начальники, с трудом справляются с новыми обязанностями. Подобные исследования выборности и, вообще, непосредственной демократии, Яков проводил много раз.

Выборность для него была не столько наукой, сколько идеологией, и воспринимал он эту тему не столько как научную, сколько как идеологическую, политическую, т.е. в контексте борьбы между сторонниками ленинизма и партийной бюрократией, которую мы все тогда считали антиленинской (впрочем, так оно и было на самом деле).

Из всех дисциплин, преподававшихся на философском факультете, он избрал социологию, прежде всего потому, что она была ближе к реальной жизни, позволяла ему максимально проявить свою энергию и гражданскую позицию. Ведь кроме этой идеологии у Якова Капелюша было редчайшее трудолюбие и жёсткая честность в работе. Он был настолько добросовестным, обязательным, аккуратным в своих исследованиях и в трудовой этике, что рядом с ним просто дискомфортно было многим из тех, кто считал работу в академических институтах sinecurой. Академия наук того времени обеспечивала высокие статусы и оклады. Неизбежно, поэтому, она оккупировалась «позвоночниками» (теми, кого вынуждены были принимать по протекции влиятельных лиц) и «парашютистами» («сброшенными» сверху аппаратчиками ЦК, обкомов, Совмина и т.д.). Первые ничего не делали, кое-как пробивали себе степени, должности и ставки, а вторые пытались превращать эту работу в сугубо аппаратную, получая заказы так называемых директивных органов (тогда у нас все органы были либо «директивные», либо «компетентные»). Зато Якова уважали и ценили те, кто относился к науке всерьез и любил свою работу. Его явно выделял из нашей среды Борис Андреевич Грушин, один из основателей советской социологии массового сознания. Иной раз безобидным, но по-советски безответственным людям доставалось от Якова за повсеместные и простительные тогда халатность, лень, недобросовестность в работе. Хотя идеологически многие из них были Якову очень близки.

Если выборность была для него идеологемой, то сугубо практической ценностью для него стала *фабрика опросов*. Он стал главной опорой Б.А. Грушина при создании Центра изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте социологии в 70-х годах, и был там счастлив. Грушин разделял, хотя и не столь буквально, идеи Якова, он был таким же трудоголиком и столь же требовательным к себе и людям.

В самом начале перестройки Капелюш тяжело заболел, долго мучался. И надо же так случиться, что его физическое бессилие пришлось на период «разгула демократии», появления выборности на заводах и в учреждениях по всему Советскому Союзу. Мы поздравляли Якова с эпохой реализации его принципов, испытывая горькое сочувствие к нему и обиду на судьбу за такое несовпадение во времени торжества идеи и её героя.

Докторов Б.З.

РАССКАЗ О КНИГЕ, КОТОРОЙ НЕТ

(Я.С. Капелюш «Общественное мнение о выборности на производстве»)

В кратком обосновании² целей введения в «Телескопе» рубрики по современной истории российской социологии было сказано, что в основном мы судим о состоянии и развитии нашей науки по существующим публикациям. Но в советское время многое писалось без расчета на публикацию, многое в силу разных причин, и чаще всего – идеологических, не было опубликовано. Есть еще один тип «белых пятен»: текст готовился к публикации, он увидел свет, но потом тираж был уничтожен. Один из подобных случаев и рассматривается в данной статье.

Эта статья – дань тому, что сделал Яков Капелюш, и одновременно подступ к исследованию создаваемой Б.А. Грушиным в последние годы новой методологии вторичного анализа социологической информации. В рамках исторического анализа два этих направления представляются мне тесно переплетенными. К тому же нельзя не сказать об одном «космическом» моменте: жизненные траектории двух этих людей пересеклись задолго до их личной встречи. В воспоминаниях А.Пригожина отмечается, что Капелюш отличился в «деле У-2», в ракетной атаке на американского пилота-разведчика Пауэрса. Это было 1 мая 1960 года. 5 мая Никита Хрущев заявил, что рассматривает поимку Пауэрса как предотвращение акта агрессии США против СССР. 10-14 мая был проведен первый опрос Грушина, тематика которого отчасти была реакцией на «У-2», изучалось отношение людей к идее мирного сосуществования социализма и капитализма.

Автор благодарен к.ф.н. Наталии Мазлумяновой за ряд ценных дружеских замечаний, учет которых сделал изложение темы более точным.

1. Почему надо пересказывать содержание книги?

Небольшая книга Я.С. Капелюша «Общественное мнение о выборности на производстве»³ была опубликована 35 лет назад – время достаточное, чтобы в профессиональном сообществе могло сложиться к ней определенное отношение. Но этого не произошло в силу простой причины: фактически книги нет. Как отмечает в своих воспоминаниях Грушин, ее тираж был почти полностью уничтожен. Потому совсем немногие исследователи в наше время могут взять книгу с полки, прочесть ее и задуматься, в какой мере была верна авторская методология, работоспособной ли была измерительная технология, обоснованы ли выводы, каково их значение для науки. Так случилось, что у меня эта книга есть. Насколько я помню, более четверти века назад мне передала ее Вера Николаевна Каюрова (1928-1984), многие годы проработавшая в коллективе В.А. Ядова. Тогда я ничего не знал о судьбе этой книги, но по роду деятельности меня интересовали методолого-методические вопросы исследования общественного мнения.

Однако сегодня, зная, что произошло с этой книгой, я понимаю необходимость рассказать о ее содержании. Прежде всего, это важно потому, что работа Капелюша, выполненная под руководством Грушина, была первым теоретико-эмпирическим изучением отношения советских людей к производственной демократии. Таким образом, история российской социологии должна включать эту книгу; любой обстоятельный обзор прошлого нашей науки, тем более – анализ станов-

ления в стране исследований общественного мнения, не будут полными без, по крайней мере, упоминания этой пионерной работы Капелюша.

Но было бы неверно видеть в том далеком опросе общественного мнения лишь нечто, имевшее отношение сугубо к выборности на производстве. Создаваемая в последние годы Грушиным методология вторичного анализа эмпирической информации, собранной много десятилетий назад, возможности которой, в частности, иллюстрируются материалами обсуждаемого опроса, позволяет сформулировать выводы о важнейших аспектах общественного сознания населения СССР, имеющие общее социокультурное и историко-политическое значение. Без углубленного анализа того, «что было», нельзя многого объяснить в том, «что есть» и «как будет».

Наконец, обращение к книге позволяет получить дополнительную информацию о развитии методики изучения общественного мнения в СССР. Для науки и ее истории не безразлично, какие методы сбора данных и выборочные приемы использовались советскими социологами в конце 1960-х годов. Принципиально и то, кем они использовались.

2. Общие характеристики опроса

Импульс к исследованию общественного мнения о выборности на производстве был дан публикацией «Комсомольской правды» 24 сентября 1966 года, озаглавленной «Кому быть прорабом?» В ней рассказывалось о том, что в одном из строительных управлений Красноярска рабочие выбрали старшего прораба. Таким образом, прораб получил полномочия не от руководства, а от своих подчиненных. Материал привлек широкое внимание читателей, возникла дискуссия о сути этого эксперимента, о возможностях и последствиях его расширения.

Опрос проводился в январе 1967 года на основе стратифицированной непропорциональной выборки среди групп населения, непосредственно связанных с проблемой выборности на производстве, т.е. тех, чье мнение могло представлять общественный интерес.

Наиболее значительной по объему была выборка рабочих промышленных предприятий и строительства (363 человека). Кроме того в выборке была заметная группа «рабочей аристократии»: 71 рабочий-депутат Верховного Совета СССР и 34 рабочих, являвшихся депутатами городских Советов. Следующие пять групп включали: инженеров и техников, не имевших непосредственных подчиненных, младших командиров производства (бригадиров, мастеров, прорабов), старших руководителей производства (начальников цехов, директоров) и руководителей общественных (партийных, комсомольских и профсоюзных) организаций. Было опрошено также почти сто журналистов и ученых, среди которых были экономисты, философы и социологи. Таким образом, выборкой были охвачены представители важнейших групп, мнение которых по проблемам выборности на производстве могло расцениваться как компетентное.

Анкетирование рабочих, рядовых специалистов и младших командиров производства проходило на 12 предприятиях восьми городов Союза. Инструкция анкетеру объясняла правила отбора респондентов и рекомендовала отдавать анкету опрашиваемому для ее заполнения дома. Таким образом было опрошено 900 человек.

Остальные группы опрашивались по почте; было разослано 1200 анкет, получено – 400. Для повышения уровня возврата использовалось почтовое напоминание.

3. Предмет опроса, структура анкеты, анализ информации

Был найден и использован удачный, эффективный прием введения респондента в тематику опроса: серии вопросов анкеты был предпослан текст названной выше статьи из «Комсомолки». Рассказ о выборах на должность старшего прораба был сбалансированным: автор корреспонденции не высказывал своего суждения по поводу выборов, приводились лишь мнения работников строительного управления. В равной степени назывались аргументы «за» и «против». Оригинальность конструкции анкеты заключалась в том, что формулировки вопросов постоянно возвращали респондентов к прочитанному ими тексту статьи.

Предметное поле опроса очерчивалось 12 вопросами анкеты.

Первый полуоткрытый вопрос затрагивал проблему целесообразности выборов на производстве. Свое позитивное или негативное отношение к выборам респондент мог объяснить, прокомментировать.

Следующие три вопроса предлагали опрашиваемому серию аргументов, высказанных участниками реальных выборов, в пользу или против подобного решения кадровой проблемы. Респондент мог согласиться или не согласиться с этими суждениями и обосновать свою реакцию.

Следующие три вопроса, два из которых были открытыми, предлагали респондентам высказать свое мнение о механизмах формирования конкурсных комиссий.

Затем респондента просили оценить («одобряю», «одобряю частично», «не одобряю») сам эксперимент по выборам прораба.

Завершающие четыре вопроса были связаны с изучением реакций читателей «Комсомольской правды» на публикацию об эксперименте с выборами прораба; это была попытка измерить общественный резонанс на выступление газеты.

Информация о респонденте включала данные о его возрасте, поле, образовании, партийности, профессии или должности, стаже работы по профессии.

В книге приводится 31 двумерная таблица, где суждения респондентов соотносятся с принадлежностью последних к семи указанным выше профессиональным группам. Наличие в анкете открытых и полуоткрытых вопросов позволило выявить широкий спектр аргументации респондентами их позиций. В книге приводятся и анализируются многие из таких развернутых ответов.

4. Выборность на производстве приветствовалась

Почти четыре десятилетия назад подавляющее большинство представителей компетентных групп работников промышленных и строительных организаций считало целесообразным проведение выборов на некоторые руководящие должности на производстве. Среди рабочих и рядовых инженеров и техников подобную точку зрения разделяли восемь-девять человек из десяти. Близки к ним (81%) были ученые и журналисты, а также руководители общественных организаций (77%). Заметно иную позицию занимали младшие и старшие руководители; среди первых

две трети (66%) полагали выборность целесообразной, среди вторых – лишь половина (52%).

От 60% до 80% представителей опрошенных профессиональных групп высказывались за выборы непосредственных организаторов производства: мастеров, старших мастеров, прорабов, начальников участков. При этом заметная доля респондентов считала важным сделать выборными все управленческие должности, от бригадиров до директоров и министров. В наибольшей степени эта точка зрения была распространена среди инженеров, старших командиров производства, а также ученых и журналистов (в трех этих группах – 9%), в других группах этот показатель варьировал от в интервале от трех до шести процентов.

Сложнее было с проблемой конкурсности выборов; оказалось, что «опрошенные... проводят довольно четкое различие между конкурсами младших и старших командиров производства. Конкурс младших должностей для них ближе к назначению, нежели к выборности. Творческая роль коллектива в таком конкурсе остается невысокой. ...Конкурс же старших командиров в представлении опрошенных – ближе к выборности»⁴.

Отношение сторонников и противников выборности в значительной мере определялось их пониманием роли производственного коллектива. Те, кто считал несправедливым неподотчетность руководителя коллективу, видел целесообразность выборов руководителей. Наоборот, считавшие нормальным слабую зависимость руководителя от позиции коллектива менее решительно выступали за то, чтобы выбрать свое начальство.

В среднем для рассматриваемых групп респондентов треть из тех, кто считал выборы целесообразными, объясняли свою позицию тем, что «низы» оценивают кандидатов объективно и потому выборы обеспечат улучшение состава руководителей. Вторым важнейшим мотивом поддержки института выборности было понимание того, что в этом случае усиливается ответственность руководителей за порученное дело. Так думала примерно четверть опрошенных.

Несколько неожиданными были мнения людей о соотношении выборности и единоначалия. Большинство во всех группах (от 43% до 75%) за исключением старших командиров производства полагало, что выборность не ослабит, но даже усилит единоначалие. В этой «исключительной» группе четверо из каждых десяти видели в выборности угрозу единоначалию и трое – считали, что авторитет выборного руководителя усилит единоначалие.

Анализ ответов на открытые вопросы выявил, что в целом в пользу выборности было высказано 2042 суждения, против – более чем три раза меньше – 689. Сторонники выборов чаще всего отмечали, что выборность: создает действительные предпосылки для отчетности руководителей перед рабочими, усиливает контроль «снизу» (311 суждений); обеспечивает лучший состав руководителей (288) и повышает ответственность руководителей за порученное дело (161). Двумя наиболее часто выдвигавшимися доводами против выборности были: «рабочий коллектив уже сейчас, без всякой выборности имеет достаточно форм контроля за деятельностью руководителей производства» (101) и «выборность невозможна, так как на

предприятиях нет еще достаточного количества квалифицированных специалистов» (66).

5. 20 лет спустя

С позиций нормальной, не замутненной идеологическими предубеждениями логики выводы исследования Капелюша могли иметь серьезное значение для деятельности различных структур, ответственных за поиски механизмов улучшения системы управления на производстве и активизации участия работников в делах производственного коллектива. Ничего подобного не произошло. Наоборот, тему закрыли, и было сделано все, чтобы ничего не напоминало о состоявшемся исследовании. Грушин вспоминает: «Однако главные доказательства неприятия официальными структурами обсуждаемого общественного мнения обнаружили себя ...когда высшие партийные, профсоюзные и комсомольские органы признали результаты опроса ошибочными и когда начатые в 1968 г. против Я.С. Капелюша гонения едва не привели к его исключению из партии, стало быть, к концу его самозабвенной научной и организационной деятельности на ниве изучения общественного мнения»⁵.

Лишь в 1988 году, через два десятилетия после первого зондажа общественного мнения о выборности на производстве, Грушин и Капелюш смогли провести еще один опрос на эту тему. Во-первых, это был ответ на требования нового времени; в конце 1980-х годов на многих предприятиях проходили выборы хозяйственных руководителей, и эта тема активно обсуждалась в обществе. Во-вторых, есть все основания говорить о том, что авторы описаного выше исследования выборности на производстве воспользовались первой же возможностью, чтобы вернуться к изучению проблемы, волновавшей их два десятилетия.

7 декабря 1987 года был образован ВЦИОМ, директором которого стала Т.И. Заславская, а ее заместителем – Грушин. Капелюш возглавлял отдел по сбору первичной информации. В январе 1989 года вышел в свет первый выпуск «Информационного бюллетеня» ВЦИОМ. Он открывался обращением к читателям и небольшой вводной статьей Заславской, где говорилось о начале деятельности Центра и о цели нового издания. Далее следовала статья Капелюша о результатах опроса, проведенного в апреле 1988 года: изучалось мнение различных групп работающего населения о выборности хозяйственных руководителей⁶. Это был один из первых опросов ВЦИОМа.

Тираж книги Капелюша о выборности на производстве был 980 экземпляров, сколько из них не было уничтожено и сохранилось до настоящего времени, трудно сказать. Первый выпуск «Информационного бюллетеня» ВЦИОМ имел тираж 300 экземпляров; в силу малости тиража этого внутреннего издания бюллетень сразу оказался труднодоступным, а сейчас, по прошествии полутора десятков лет, превратился в раритет. Я получил брошюру, поскольку в то время работал во ВЦИОМе; к счастью, она сохранилась в моей библиотеке. Я не уверен, что эта публикация есть даже в ведущих библиотеках страны, поэтому будет оправданным краткий пересказ ее содержания и выводов.

Опрос проводился на предприятиях Москвы, Новосибирска и Перми, где состоялись выборы директоров или других руководителей (6 предприятий в Москве, 5 в

Новосибирске и 3 в Перми). По своей структуре выборка напоминала ту, что использовалась в первом опросе: рабочие, рядовые специалисты, младшие и старшие командиры производства и профсоюзные активисты; объем выборки – 1400 человек, респонденты интервьюировались дома.

От 40 до 50 процентов представителей каждой группы полагало, что практика выборности отвечала требованиям времени. Наиболее оптимистичными были рабочие, наиболее пессимистичными – старшие командиры производства. Негативные последствия выборов предвидело 20–25 процентов рабочих и специалистов, а также около трети опрошенных руководителей. При этом семь-восемь человек из каждой десяти во всех изучавшихся группах не исключали превращения выборов в «спектакль», их подмены «игрой в демократию».

От 65 до 76 процентов представителей каждой группы высказывались за проведение выборов на конкурсной основе; главная роль в организации выборов отводилась Совету трудового коллектива.

Примерно три четверти респондентов придерживались точки зрения, что «практика выборности хозяйственных руководителей приведет к серьезным положительным изменениям», 10% – не соглашалось с этим суждением (опять же наиболее критичны были старшие командиры производства) и 15% – не имели определенного мнения.

Суммируя результаты опроса, Капелюш писал: «В целом общественное мнение весьма одобрительно относится к выборности хозяйственных руководителей. ..В первую очередь это вызвано тем, что именно с выборностью оно связывает большие надежды на серьезные положительные изменения на производстве»⁷.

6. Еще полтора десятилетия спустя: материалы Капелюша и «голография» Грушина

Через два года после проведения второго опроса по проблемам производственной демократии Якова Капелюша не стало. Не знаю, планировал ли он продолжать разработку этой темы, но ясно, что материалы, имевшиеся в распоряжении профессионального тандема Грушин-Капелюш, давали почву не только для продолжения исследований выборности, но и для формулирования серьезных выводов о состоянии общественного сознания населения СССР и путях развития демократии в стране.

Последнее – не есть лишь суждение общего науковедческого плана, вытекающее из понимания возможностей, присущих вторичному анализу информации; оно опирается на знакомство с содержанием новой крупной публикации Б.А. Грушина⁸. Сохранившаяся информация позволила ему, инициатору и соавтору проведенных опросов, заглянуть в прошлое, отстоящее почти на четыре десятилетия, и прочитать его с учетом всего произошедшего в стране и в нем самом. Безусловно, это уникальный для российской социологии случай и скорее всего редкий – для мировой практики социального познания.

Голография как направление науки возникла в середине прошлого века. Ядром голографии является способ получения объемных изображений предметов на фотопластинке (голограмме). С учетом сказанного, разрабатываемый Грушиным подход

к осмыслению «фотографий» сознания прошлого хотелось бы называть «голографическим». Ему удается плоское в прошлом изображение сделать объемным, и в силу этой появившейся «объемности» становится возможным рассмотреть и описать те свойства сфотографированной много лет назад реальности, которые не обнаруживались в их плоскостной, двумерной проекции. В этой заметке можно было бы не раскрывать природу и смысл интерпретационного метода Грушина, но два обстоятельства оправдывают это намерение.

Прежде всего, анализируя результаты изучения общественного мнения о выборности на производстве, Грушин отмечает, что в том сорокалетней давности опросе они неожиданно для себя встретились с драматическим проявлением феномена «ножниц» – расхождением между «словом» и «делом». Ранее, при изучении отражения иных сфер реальности, опросы не выявляли в сознании населения (точнее, по словам Грушина, «трудового люда») СССР подобной несостыкованности. Выводы оказались неожиданными: «Честно сказать, установление существенных расхождений в позициях масс и представителей властных структур в вопросе о выборности на производстве, по меньшей мере в части позиции масс, было фактом совершенно неожиданным. По-видимому для всех. Но этот результат оказался и самым важным в исследовании, поскольку он принципиально новым образом высветил проблему отношения масс к обществу, в котором они жили»⁹.

Второй момент заключается в том, что историческая направленность рубрики, в которой публикуется этот материал, дает возможности для широкого видения и многоплановой трактовки центральной темы нашего обсуждения. Для нас важно не только содержание книги Капелюша. Одна из главных задач исторических поисков заключается в том, чтобы показать не только краткосрочную значимость результатов (статистика мнений, записи высказываний респондентов, выводы) зондажей общественного мнения, но – выявить и зафиксировать их дальнейшую жизнь. Множество обстоятельств, сопряженных с судьбой первого изучения выборности на производстве, дают повод для того, чтобы говорить о жизненности, информативности «старых фотографий» общественного сознания, и было бы непростительно не воспользоваться этой нечастой для истории науки и науковедения ситуацией.

Надо отметить, что известная доля голографичности – временной, пространственной, предметно-объектной – присуща любому профессионально выполненному вторичному анализу социологической информации; при отсутствии «выпуклости», лучше сказать, вытянутости по оси времени или географической растянутости, вторичный анализ можно считать просто выхолощенным.

В физике для получения голограммы необходимо одновременно осветить фотографическую пластинку двумя когерентными световыми пучками: предметным, отраженным от снимаемого объекта, и опорным – приходящим непосредственно от лазера. Многокритериальность грушинского анализа, т.е. облучение познаваемого феномена качественно разными «световыми пучками» создает основу, логический каркас интерпретации прошлого. Технологичность предложенного Грушиным метода делает последний научным, в целом воспроизводимым. Тем не менее думается, что голографичность интерпретации Грушина – особая: она творческая и потому принципиально личностна.

Наличие стержневой темы этой заметки не позволяет углубляться в суть грушинской многокритериальной техники изучения общественного мнения и рассмотрения ее феноменологии. Потому ограничусь одной историко-научоведческой аналогией. Речь идет о факторном анализе, объединяющем в себе набор формализованных математических приемов факторизации и вращения извлеченных, обнаруженных латентных переменных, а также трудно формализуемых правил интерпретации факторных решений. Каждый пользователь факторного анализа, знает, что процесс ротации, несмотря на наличие формальных правил его оптимизации, и предметная интерпретация факторов – во многом определяются субъектом исследования. Потому даже по прошествии ста лет после возникновения простейшей спирменовской модели факторного анализа, семидесяти лет- после появления пионерных работ Терстона и многих десятилетий компьютерного решения всего множества факторизационных задач, метод факторного анализа продолжает оставаться наукой и искусством. Личностные особенности ученого, его приверженность тем или иным научным воззрениям и школам, его понимание семантики наблюдаемых переменных - все это присутствует в его интерпретации обнаруженных латентных факторов.

Думаю, что это краткое отступление поясняет смысл сказанного о личной окрашенности грушинской голографичности, тем не менее, немного поясним это утверждение.

Во-первых, в данном случае вторичная интерпретация общественного мнения о выборности на производстве осуществляется не «человеком со стороны», не представителем иной научной школы, но соавтором программы и анкеты опроса 1967 года. Таким образом, современное прочтение результатов того давнего зондажа общественного мнения для Грушина является не новой исследовательской задачей, не «игрой с листа», но продолжением поиска ответов на давние вопросы, которые он и Капелюш задавали сами себе. Тогда ответы, которые бы их удовлетворили, они либо не нашли, либо – учитывая специфику времени – не озвучили. Зная о глубочайшей включенности Грушина в свое дело, можно утверждать, что эти познавательные вопросы или их модификации фактически постоянно находились в поле его зрения, и не прекращался непрерывный поиск ответов на них. Будь это не так, он скорее всего не пытался бы искать на них ответы сегодня.

Во-вторых, в грушинской голографичности присутствуют следы того, что сам автор обозначает термином «социотрясение» – это и определяет ее специфичность. Речь идет об особенностях эпохи, отделяющей анализ выборности на производстве, выполненный в начале второй половины 1960-х, от изучения того же информационного массива через сорок лет. За это время в СССР/России произошли глубинные социальные преобразования различной направленности и окрашенности. Все это объективно требовало от социологов углубления методологии и уточнения языка познания и ориентировало их на поиск новых методов, приемов изучения всех граней мира социальных отношений, в том числе – массового сознания. Можно утверждать, что аналогичной продолжительности время, но лишенное драматической тишины и неимоверного грохота эпохи «социотрясения», не дало бы Грушину того видения прошлого, которое обозначается нами понятием «голографическое».

Ламинарное, гладкое течение времени, медленное, застойное движение лет не способно было бы даже подтолкнуть исследователя к перепро чтению давно собранной информации; в крайнем случае, если бы это все же произошло, новая интерпретация была бы лишь детализацией и некоторым обобщением прежней картины. Наоборот, турбулентность, вихреобразность временного потока, скачкообразность развития всех сфер и социальных институтов, появление кардинальных разломов в массовом сознании россиян, ослабление памяти населения, потеря им привычных социальных ориентиров и невозможность отыскания новых маршрутов движения постоянно требовали от всех серьезных социологов, в том числе и от Грушина, историчности в рассмотрении объекта и предмета их анализа. Грушин этот вызов осознал и принял. Более того, он – один из немногих, кто сохранил информацию, собранную в течение десятилетий исследований.

В относительно спокойные времена развитие многих явлений и процессов, по сути, сводится к самовоспроизводству, и потому их познание во многом сродни изучению, описанию гладких фигур, которые в каждом их сечении вдоль временной оси имеют одно и то же строение. Скажем, образуется нечто, напоминающее составленный из цветных колечек детский цилиндр или ровненькую стопку аккуратных блинов. В последнем случае каждый слой имеет одну и ту же форму, один и тот же цвет, вкус и запах. Наблюдать эту фигуру с равным успехом можно с любой точки обзора.

В бурные моменты истории явления, развивавшиеся в разных нишах социального бытования, сплетаются, склеиваются необычным, хитрым, неожиданным способом; процессы, долгие годы демонстрировавшие непрерывность и гладкость, разрываются или претерпевают скачки и геометрия каждого года приобретает свою уникальную конфигурацию. В итоге получается фигура, мало похожая на описанный выше цилиндр, она скорее напоминает химеры, украшающие средневековые соборы. Описать каждую из них с одной позиции в принципе невозможно; исследователь должен либо обходить их вокруг, либо многократно их поворачивать.

Если сделать голографический снимок какого-либо предмета и осветить его лазерным светом, то возникает «восстановленная голограмма» – объемное изображение этого предмета. Меняя точку наблюдения, оказывается возможным заглянуть за предметы на первом плане и увидеть детали, ранее скрытые от взгляда. Грушинская интерпретационная технология, по сути, и является рассмотрением социально-временных образований, химер, со многих точек зрения. Это некий аналог ротации, используемой в факторном анализе.

Третий аспект своеобразия грушинского интерпретационного подхода проистекает из того, что за четыре десятилетия, отделяющие первичный анализ мнений о выборности на производстве от той работы, которую Грушин осуществляет в начале нового века, значительно изменилось его собственное понимание природы общественного мнения¹⁰. Это результат собственно многолетнего теоретико-эмпирического изучения природы массового сознания, а также итог научного и гражданского осмысления социотрясения.

Современное прочтение материалов сорокалетней давности позволяет Грушину формулировать интересные выводы историко-политической направленности. Пре-

жде всего, статистика мнений относительно целесообразности выборов на производстве, важнейшей составляющей механизма управления народным хозяйством, указывала на существование в советском/российском обществе глубинной трещины между населением и властью. Зафиксированное напряжение тогда было, полагает Грушин, скорее всего еще скрыто от глаз основных действующих лиц и лишь многие годы спустя адекватно интерпретировано социальной наукой. Обнаруженная оппозиция мнений работников и управленцев в 1967 году не содержала никакой реальной угрозы для общества, подобная «вещь в себе» могла превратиться в «вещь для других» лишь в процессе гражданского возмужания масс. Этот процесс потребовал двух десятилетий и вошел в историю СССР/России под именем перестройки. В середине 1960-х общество, по мнению Грушина, не было готово к переменам, на которые замахивались инициаторы широкомасштабной хозяйственной реформы.

Если бы выявленный Грушиным и Капелюшем «тихий протест управляемых» был в брежневские времена понят и верно оценен, то, считает Грушин, его можно было бы спокойно и многими способами «разрулить» в интересах общества. Однако ничего сделано не было, потому напряжение по линии «население–власть» получило дальнейшее развитие, итогом которого стали события второй половины 1980-х годов¹¹.

х х х

Завершить этот материал мне хотелось бы не выводами научно-исторического характера, но фрагментом из воспоминаний Сергея Чеснокова¹², работавшего в грушинской команде. В этой истории просматривается многое в характере, личности Капелюша, и потому ее нельзя не упомянуть: «Яша Капелюш. В середине семидесятых он меня от смерти спас. Я было уже утонул в бассейне «Москва». Где сейчас храм. На шестиметровой глубине лежал без сознания и ногами дергал. Он вытащил меня».

Федотова Л.Н.

РЕПУТАЦИЯ СОЦИОЛОГА – РЕПУТАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ

По-видимому, начало советской социологии можно связать с тремя «китами»: социологией труда (коллектив В.А.Ядова), социологией массовой коммуникации (Алексеев А.А., Фирсов Б.М., Шляпентох В.Э, эстонские коллеги), социологией массовых информационных процессов и общественного мнения (Грушин Б.А. и его сотрудники). Ни в коей мере не претендуя на описание вклада остальных методологов и методистов (Здравомыслов А. Г. и др.), а в особенности теоретиков – социологов (Левада Ю.А. и его коллеги) в этот процесс, скажу, что именно вышеперечисленные коллективы были наиболее всесторонне представлены в профессиональной литературе тех лет. Конечно, это отнюдь не все ее содержание: зарубежная литература, становясь по канонам того времени, предметом «критики», давала много пищи для ума; мощной струей в профессиональной рефлексии были семинары – пожалуй, самый долговечный из них, который и сегодня востребован широкой научной публикой, это семинар Ю.А.Левады и его коллег; семинар «47 пятниц» в грушинском проекте; нельзя не вспомнить добрым словом тогдашнюю социологию

ческую Мекку - местечко Кяэрику в Эстонии, которая несколько лет подряд была местом встречи начинающих и маститых социологов страны на конференциях по проблематике, связанной с функционированием в обществе системы массовой коммуникации.

Но по мере удаленности от названных социологических центров, снижался уровень профессионализма социологических исследований, количество которых увеличилось год от года многократно. Было время повального увлечения социологией, своеобразного “анкетного” бума при почти полном отсутствии в стране профессиональных социологов. Поэтому низкий методолого-методический уровень большей части эмпирических исследований тех лет лишь отчасти окупался общим увеличением внимания общественности в результате этих исследований к проблемам социологии. В скором времени социологи вынуждены были признать, что этот бум дорого стоил репутации социологии в нашей стране.

Другая опасность, которая грозила социологии в этой ситуации, - некая эйфория от обилия новой, неизвестной ранее информации об обществе. Не редкость было слышать на тех же семинарах, каким коротким казался некоторым социологам путь от сбора этой информации до принятия решения.

По-видимому, профессионализм в этой сфере как раз и проверялся отношением к этим двум «подводным» камням. Не всеми разделялся вдумчивый, скрупулезный подход к сбору информации, понимание сложности изучаемого объекта, постоянная саморефлексия по поводу методических решений. Точно так же не всеми понималось то, что к принятию решений ведет долгий путь, что картинка, фрагмент социальной действительности «здесь и сейчас» не должна возводиться в абсолют; не всеми осознавалась многофакторность происходящего и, в еще большей степени, зафиксированного социологом.

Как мне кажется, в этом смысле Яков Капелюш был настоящим профессионалом. Такие люди отлично понимали, что репутационный капитал профессионального сообщества зависит от каждодневной заботы о «чистоте» методик, об обеспечении выборок, от честности интервьюеров и т.д. Именно эти обстоятельства создают фундамент доверия к исследователю и, что даже более важно для социологии, к коллективу, который эти исследования проводит.

Когда в Институте конкретных социальных исследований АН СССР (ныне – Институт социологии РАН) началась тотальная трансформация структуры для кардинального решения кадрового вопроса, сотрудники отдела/сектора общественного мнения были вынуждены искать новые места работы. В 1980 г. Капелюш был приглашен на работу тогдашним руководителем Главного информационно вычислительного центра (ГИВЦ) Министерства культуры РСФСР, доктором философских наук Вадимом Борисовичем Чурбановым на должность заведующего отделом общесистемных вопросов и экономико-математического моделирования. Яков позвал в этот отдел меня.

За плечами оставался практически необработанный массив социологических данных проекта «Общественное мнение» без всякой перспективы опубликовать эти результаты. Сейчас анализом этой информации продолжает заниматься руководитель проекта Борис Андреевич Грушин и - в Институте социологии РАН – Алек-

сандр Васильевич Жаворонков. Им была проделана огромная работа - весь проект "Общественное мнение" полностью восстановлен в формате обработки по программе SPSS в 1976-1998 гг. Используя эти данные, а также результаты порядка десяти крупномасштабных Всесоюзных и Всероссийских исследований в ИСИ АН СССР (в 1971-1997 гг.). Жаворонков создал базу данных, фиксирующую миллионы социальных фактов (ответов, поведенческих актов и т.д.) и поставил задачу моделирования общественной системы в целом на конкретных актах деятельности людей. В настоящее время работа готовится к публикации.

По воспоминаниям Олега Борисовича Божкова¹³, который знал его в середине 60-ых как «очень достойного человека», в 1964–1965 годах Чурбанов, будучи работником идеологическим отдела обкома комсомола в Ленинграде, занимался организацией молодежных клубов и кафе. Затем Чурбанов работал в ЦК ВЛКСМ, курируя сферу молодежных инициатив. Как говорят люди, знавшие его по тем временам, Чурбанов был слишком умным, слишком образованным, слишком модернистски настроенным, чтобы быть признанным аппаратчиками своим. Потом он возглавил журнал «Клуб и художественная самодеятельность» и проявил себя как профессионал-журналист и организатор журналистского коллектива. В редакции той поры работал И.Клямкин, Н.Павлова, А.Петров, В.Гладилин (уволенный из «Юности» за то, что его брат эмигрировал на Запад), В.Сагалова, там начинал А.Троицкий. Благодаря новаторскому духу, журнал приобрел такую известность, что, по воспоминаниям свидетелей той поры, даже «Комсомольская правда», славившаяся среди интеллигенции своим либеральным настроем, казалась на его фоне сонным царством. Именно этот журнал пригласил Б.А.Грушина, к тому времени автора нашумевшей книги о свободном времени для участия в дискуссии «о работе после работы», о вопросах занятости в обществе, удовлетворенности трудом, местом в обществе для молодежных инициатив в сфере труда и оплаты за труд. Стоит ли говорить о том, что вскоре журнал был разогнан.

Капелюш был приглашен Чурбановым для создания отраслевой социологической службы в рамках структуры по сбору статистической информации Министерства культуры РСФСР. Место этого подразделения в более широкой управленческой структуре имело как плюсы, так и минусы для социолога. Заманчиво было придать своим исследованиям прагматический, управленческий характер и реально влиять на изменения в подведомственной сфере. С другой стороны, именно эти задачи могли повлиять на стратегические задумки научного характера и подминать их под себя.

За немногие годы работы группа социологов под руководством Капелюша – на должности консультанта здесь работал доктор исторических наук Леонид Абрамович Гордон (1930 –2003) - осуществила проект «Учреждения культуры в небольшом городе и население». Социологический опрос населения и сбор статистических данных аккумулировал вопросы культуры, культурного обслуживания, потребностей населения, взаимодействия различных социальных и демографических групп населения небольших городов с учреждениями культуры. Каковы запросы, интересы, потребности в сфере культуры у женщин и мужчин, молодых и пожилых, рабочих и интеллигенции? Что представляет собой культурное предложение в небольших городах и в какой мере соответствует существующему там культурному

спросу? Каковы конкретные формы и масштабы культурной активности населения в зависимости от социально-демографических и прочих характеристик? Чем население небольшого города отличается в этом плане от населения большого города или села? Провинция это место жизни или образ жизни?¹⁴ Как в небольших городах на практике решается задача обеспечения всем слоям населения равного доступа к культурным ценностям? Что зависит здесь от самого населения, а что от учреждений и органов культуры?

Многие программные положения этого исследования, его методика и важнейшие результаты опубликованы в серии работ Капелюша и основных участников проекта¹⁵, но сейчас хотелось бы привести некоторые детали его организации. Именно эта сторона исследования прежде всего была областью ответственности Капелюша.

Изучались восемь городов: Александровск Пермской области, Ахтубинск Астраханской области, Вятские Поляны Кировской области, Короча Белгородской области, Микунь Коми АССР, Назарово Красноярского края, Рославль Смоленской области, Темрюк Краснодарского края.

Тщательно строилась выборка исследования, при ее планировании и реализации учитывались экономико-географическая стратификация и данные о численности городского населения РСФСР. Чтобы выборка была репрезентативной, в разных областях брались небольшие города с различными признаками, характеризующими основные разновидности поселений этого типа. В выборке были представлены города с относительно давней и относительно короткой культурной традицией: «старые» - это города, образованные до 1950 г., «молодые» - это родившиеся позже. Также учитывались некоторые дополнительные показатели городов: темпы роста населения, расстояние до областного центра, функциональный тип города, наличие средних специальных учебных заведений и др. В итоге совокупность обследованных восьми городов давала достаточно точное представление об основных типах небольших городов РСФСР¹⁶. Можно утверждать, что описанная процедура отбора городов не только несла в себе представления о том, как должна комплектоваться территориальная выборка, но – в меньшей степени – отражала отношение Капелюша к своему делу. Это - глубокое понимание принципов формирования выборки и пристальное внимание к деталям.

Отбор респондентов для опроса базировался на списках избирателей. Полученная выборка взрослого (старше 16 лет) населения корректировалась при необходимости по полу и возрасту респондентов в соответствии со статистическими данными. В каждом городе опрошивалось примерно по 200 человек; всего было собрано и обработано 1638 анкет. Во всех населенных пунктах создавались небольшие (20-25 человек) группы анкетеров из библиотечных, клубных работников, преподавателей детских музыкальных школ и сотрудников других учреждений культуры.

Концепция исследования была весьма либеральной по тем временам. Конкретные задачи исследования включали в себя анализ целостной картины состояния материальной базы культуры в небольших городах; выявление множества характеристик деятельности местных учреждений культуры; определение численности и состава населения, пользующегося услугами различных учреждений культуры; поиск различий в пользовании услугами учреждений культуры представителями разных

групп населения: изучение предпочтений и запросов населения к сфере культуры. Естественно, зондировалось общественное мнение населения по вопросам работы учреждений культуры: оценки, предложения по улучшению этой работы. Все это указывало на связь рассматриваемого исследования с грушинским таганрогским проектом, в котором мы с Капелюшем работали.

В те годы было далеко не просто получить данные об услугах, предлагавшихся учреждениями культуры населению, а также информацию об участии населения в их освоении. Во-первых, статистическая отчетность не содержала полных данных о культурной жизни в городе, поскольку описывала культурный процесс в масштабах иных административно-территориальных единиц (района, области, края, республики). Во-вторых, статистика не включала в себя сведений о социальных, демографических и прочих признаках посетителей учреждений культуры. Тем более, не было данных о запросах, предпочтениях населения в сфере культуры.

Во многом благодаря настойчивости Капелюша, удалось получить отчетность о деятельности местных учреждений культуры: библиотек, клубов, Домов культуры, музеев, театров и кинотеатров, музыкальных и художественных школ, общеобразовательных и специальных учебных заведений, отделений Союзпечати и др. Использование подготовленного нами паспорта культурного обслуживания в городе позволило собрать данные о материальной базе учреждений культуры вне зависимости от их ведомственной подчиненности.

Вспоминая то время, могу утверждать, что на момент создания ВЦИОМ Капелюш обладал уникальным опытом решения организационных и методических проблем, возникающих при проведении опросов общественного мнения. И вполне закономерным стало его приглашение во ВЦИОМ, для того, чтобы возглавить работу по созданию первой всесоюзной сети для регулярного проведения опросов общественного мнения. Яков входил в пятерку первых сотрудников ВЦИОМ.

¹ Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2-13.

² Докторов Б. История есть, только если она написана // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. №5. С. 30-32.

³ Капелюш Я. Общественное мнение о выборности на производстве // Под ред. Б.А. Грушина. Информационный бюллетень № 39 (54). М.: Научный Совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, 1969. С. 34.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева». Часть 1. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 303.

⁶ Капелюш Я.С. Общественное мнение о выборности хозяйственных руководителей. Информационный бюллетень. Москва. ВЦИОМ. 1989. Январь. С. 10–27.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева». Москва: Прогресс-Традиция, 2001; Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева». Часть 1. Москва: Прогресс-Традиция, 2003.

-
- ⁹ Грушин Б.А. Четыре жизни России... Жизнь 2-я. С. 302–303.
- ¹⁰ Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия... // Телескоп 2004. № 4. С. 2-13.
- ¹¹ Грушин Б.А. Четыре жизни России...С. 310.
- ¹² Чесноков С.В. «Мне интересен человек как человек...» // Социологический журнал. 2001. №2. С. 80.
- ¹³ Божков О.Б. «...Горизонт раздвинулся и стал намного шире» // Социологический журнал. 2004. №1/2. С. 166.
- ¹⁴ В годы перестройки В. Б. Чурбанов стал издавать общественно-политический журнал «Провинция».
- ¹⁵ Капелюш Я.С., Сазонов В.В., Федотова Л.Н. Проблемы изучения культурного обслуживания в небольшом городе // Экспресс-информация информационного центра по проблемам культуры и искусства. 1982. Выпуск 3; Капелюш Я.С., Гордон Л.А. Сазонов В.В., Федотова Л.Н. Культурное обслуживание в небольшом городе // Сб. Труд, быт, отдых. Серия Популярная демография. Выпуск 11. М., Финансы и статистика. 1983. С.97-109; Капелюш Я.С., Сазонов В.В., Федотова Л.Н. Проблемы и некоторые итоги изучения культуры в небольших городах // Сб. Социалистический образ жизни и потребление культурных благ. М., изд. ЦЭМИ, 1984. С.43-60; Капелюш Я.С., Сазонов В.В., Федотова Л.Н. Учреждения культуры в небольшом городе и население. М., Мысль. 1985; Федотова Л.Н. Капелюш Я.С., Сазонов В.В., Телевидение в небольшом городе // Сб. Телевидение вчера, сегодня, завтра. Выпуск 5. М., Искусство. 1985. С. 146-160; Федотова Л.Н. Капелюш Я.С., Сазонов В.В. Читатель в небольшом городе // Библиотекарь, 1985, 11. С.23-25; Федотова Л.Н. Капелюш Я.С., Сазонов В.В. Небольшие города РСФСР: средства массовой информации и их аудитория // Сб. Социологические исследования эффективности журналистики. М., 1986. С.121-130.
- ¹⁶ Понятийный аппарат исследования учитывал известные в советской социологии культуры работы предшествующих лет. Библиографический указатель по социологии культуры, выпущенный в 1982 г. Всесоюзным научно-методическим центром народного творчества и культурно-просветительной работы, содержал 140 названий